

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Проанализировано развитие основных институтов средневекового процессуального права на основе отечественного сербского права и рецепированных норм римского права. Установлены общие и особенные черты процессуального права Сербии в контексте развития правовых тенденций в средневековых странах континентальной Европы.

The development of major institutions of the medieval procedural law is analyzed on the basis of Serbian procedural law and norms of Roman law. The article reveals some common and different features of the procedural law of Serbia within the context of the development of legal tendencies in the medieval countries of the continental Europe.

Усиление позиций христианства на территории раннесредневекового Сербского государства способствовало укреплению законности и правопорядка в стране. Наряду со славянскими правовыми обычаями широкое правоприменение получили и нормы римского права. Из римского права был заимствован ряд институтов, которые содействовали утверждению государственного правосудия. Например, была заимствована норма, согласно которой у собственника должны изыматься вещи, возвращенные им в результате самоуправных действий. Ст. 5 титула XVII «Эклоги» гласит: «Если кто-либо спорит с кем-либо и при этом не обращается к властям, а своевольно

или с помощью какой-либо другой силы налагает руку и отнимает что бы то ни было, то в том случае, если он сделал это, добиваясь того, что действительно принадлежит ему, он должен быть лишен своей вещи и вещь должна быть возвращена обратно; если же он отнял чужую вещь, он должен быть подвергнут местным правителем избиению за то, что не подчинился властям и стал сам себе защитником»¹.

Другой удар был нанесен по самосуду в сфере уголовного права. Борьба с самосудом связывалась с властью и прерогативами церкви. Было закреплено право убежища, когда преступник или подозреваемый в совершении какого-либо

преступления прибежал к защите церкви, попросив убежище в церковной или монастырской усадьбе. При этом применять силу с целью его задержания в убежище запрещалось. Потерпевший и его близкие должны были обратиться к священнику с требованием выдачи виновника содеянного для законного расследования преступления.

Право убежища было закреплено законодателем в ст. 1 титула XVII «Эклоги». В пользу повсеместного использования указанной правовой нормы в судебной практике южнославянских народов говорит и ст. 16 «Закона Судного Людем», которая воспроизводит ее в следующей редакции: «Никто не должен насильно (забрать) прибежавшего в церковь, но беглец должен рассказать священнику о деле и о проступке, совершенном им; священник должен укрывать его как беглеца до тех пор, пока не установят в соответствии с законом и не расследуют обвинения против него; если же кто-либо попытается насильно забрать из церкви укрывшегося там, кем бы он ни был, то такой человек должен получить 140 ран (ударов), и затем, как подобает, надо расследовать обвинения против укрывшегося (в церкви)»².

Указанные санкции за самоуправное изъятие вещи, выражающиеся в лишении права собственности на эту вещь, а также законодательное закрепление права убежища значительно ограничили применение самосуда и талиона, но не ликвидировали их полностью. Самосуд и талион еще длительное время оставались общепризнанными нормами правосудия.

Законодатель указывает, что самосуд исключался, если правонарушитель или подозреваемый укрылся в церкви, но именно эта норма свидетельствует, что если он не укрылся в церкви, то самосуд был возможен. Под страхом наказания запрещалось забирать подозреваемого из церкви, в которой он обрел убежище. Можно предположить, что из других мест преступника можно было забрать насильно.

Следовательно, талион и самосуд в период раннего средневековья были существенно ограничены, но не изжиты из практики. Поэтому пространная редакция «Закона Судного Людем», включая нормы «Эклоги» о праве убежища и лишении права собственности виновного в самоуправстве, воспроизводит наряду с этим в статье «О вражде» и правило Моисея – «око за око, зуб за зуб».

Данное положение вещей является закономерным, поскольку окончательное утверждение государственного правосудия неразрывно связано с утверждением феодальных отношений в стране. Процессуальное право средневековой Сербии формировалось как составная часть надстройки, которая соответствовала процессу становления феодального базиса в стране. Вследствие этого мы наблюдаем, что судост-

ройство и процесс развиваются постепенно в средневековом государстве вместе с развитием феодальных отношений. Например, в «Зако́не Судном Людем» говорится только о князе и судье как о лицах, осуществлявших правосудие. «В любом споре, тяжбе и обвинении, – гласит ст. 2 «Закона Судного Людем», – князь и судья не должны судить без свидетелей...»³ О других судебных органах в указанных источниках права нет упоминаний.

Совсем иную картину дает нам «Законник Стефана Душана» 1349 г., относящийся к периоду расцвета феодальных отношений в Сербии. Нормы Законника свидетельствуют, что полномочия судебной власти в рассматриваемый период были достаточно обширными. Суд государя (читать как судья королевского, т. е. государственного, суда – примеч. В. Е.) в соответствии со ст. 177 «О судьях» «Законника Стефана Душана» был компетентен рассматривать дела, где в роли ответчиков и истцов выступали все подданные короны, начиная от зависимых крестьян (меропхов) и кончая высшими должностными лицами государства. Окружной судья королевского суда в средневековой Сербии был вправе рассматривать дела даже в отношении высших королевских сановников. Ст. 175 Законника гласит: «О судье, который находится при дворе моего царского величества. Если совершится преступление (при дворе), пусть судится им; если же случайно явятся тяжущиеся ко двору моего царского величества, да рассудит их придворный судья, но никто да не вызывается на двор моего царского величества помимо окружных судей, которых поставило мое царское величество, но да идет всякий к своему (окружному) судье»⁴.

Наиболее опасные преступления (убийство, разбой, хищения, совершенные группой лиц) на основании ст. 103 «Законника Стефана Душана» рассматривались государственными судами независимо от подсудности их исполнителей (феодалным или церковным судам).

Содержание ст. 79 и 163 «Законника Стефана Душана» позволяет говорить о том, что сербский средневековый процесс был состязательным. «На суде, – гласит ст. 163 «О поротниках» Законника, – когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, (уличая его) в измене или в ином каком деле, но только да отвечает ему...»⁵

Однако процесс, регламентирующий рассмотрение тяжких уголовных преступлений, был инквизиционным по своему характеру. В центре судебного разбирательства находится установленный виновник совершенного преступления. Об этом свидетельствуют ст. 142, 143 и 144 Бистричского списка «Законника Стефана Душана». Так, ст. 151 «О разбойнике и воре» Законника гласит: «Указанным образом да будет наказан

явный разбойник и вор, и таково (их) уличение: если у них найдется что-либо поличное или если схватят их на разбое или воровстве, то да предадут их или жупе, или селам, или господам, или властелю, который над ними, как написано выше; такие разбойники и воры да не будут помилованы, да будут ослеплены и повешены»⁶.

В Сербском средневековом праве сторонами судебного процесса были истец и ответчик. Рассмотрение дела в суде велось в присутствии свидетелей либо с учетом использования вещественных доказательств. При этом свидетельским показаниям отдавалось предпочтение.

Развитие судебного процесса в средневековой Сербии привело к созданию института представительства в суде. Например, в ст. 57 «Законника Стефана Душана» допускается представительство в отношении брата, который живет в одной и той же задруге. При этом постановление ст. 57 Халандарского списка «Об судебной тяжбе» Законника гласит: «Братья, которые живут вместе в одном доме. Если кто позовет их на дому, то кто из них придет, тот пусть и отвечает. Если же найдет его на царском дворе или судейском, да придет он и скажет: “Я представляю на суд старшего брата”, то пусть представляет, и да не принуждают его отвечать»⁷. Ст. 72 «Законника Стефана Душана» предусматривает возможность назначения процессуального представителя вдовы, который защищал бы ее интересы в суде.

С развитием средневекового сербского судебного процесса изменилось не только понятие «сторона», но претерпел изменения и порядок вызова сторон в суд. Обеспечение явки сторон в суд в период раннего средневековья возлагалось на заинтересованную сторону процесса. В соответствии с нормами «Законника Стефана Душана» вызов тяжущихся сторон в суд начал осуществляться органами государственного правосудия. Ст. 55, 61, 104 Законника установили, что стороны процесса вызывались в суд специальным судебным чиновником-приставом.

Представители господствующего класса (властели) вызывались повесткой, в которой было указано, для чего они должны явиться в суд; остальные должны были явиться в суд по предъявлению судейской печати. Так, ст. 52 Ходошского списка «Законника Стефана Душана» «О вызове властелей» гласит: «Великий властель да не приглашается на суд без судейской грамоты, а прочим – печать»⁸. Это норма «Законника Стефана Душана» говорит о том, что и в процессуальном праве нашел отражение принцип классовой, так как наблюдался различный подход к сторонам в процессе в зависимости от их общественного положения. Феодалу следовало сообщить содержание обвинения или иска, в связи с которым он вызывался в суд, а в отношении зависимого крестьянства и остальных непривиле-

гированных слоев общества этого не требовалось.

Классовый подход в отношении вызова в суд заключался не только в этом. Властель должен был вызываться в суд в подходящее для него время, чтобы у него была возможность подготовить судебную защиту. Для более низких сословий данное требование не соблюдалось, поскольку законодательство средневековой Сербии не содержит правового механизма его реализации. Так, ст. 50 Ходошского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Властель да не призывается (на суд) вечером, разве призывается прежде обеда, и да объявляется ему (о том) предварительно; и кто будет позван с приставом прежде обеда и к обеду не придет, да будет виноват и уплатит властелю 6 волов»⁹.

Правосудие средневековой Сербии в отсутствие иных судебных доказательств широко практиковало ордалии (суд Божий). Обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо и переносить его на определенное расстояние. Согласно ст. 152 Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» расстояние совершаемого процессуального действия равнялось расстоянию от церковных ворот до церковного алтаря. «И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве – гласит ст. 152 «О воровстве» Законника, – а не будет улик, да будет им в оправдание железо, как то постановило мое царское величество; да вынут его (железо) у церковных ворот из огня и да (понесут и) положат его на святой алтарь»¹⁰. Если при этом испытании сторона процессуального действия не получила больших ожогов, а полученные вследствие этого раны заживали быстро, то предполагалась ее невиновность.

Нередко в ходе ведения труднодоказуемых дел сербские судьи прибегали к использованию распространенного в средние века института судебного процесса – клятвы. При этом сербские судьи были уверены в том, что Бог не оставит ненаказанным клятвопреступника. Поклявшаяся сторона судебного разбирательства освобождалась от всякой ответственности, будь даже она отвечающей стороной. Вместе с тем если впоследствии было установлено, что клятва ложная, то поклявшегося ожидало суровое наказание. Лжесвидетельство на суде подпадало под действие ст. 167 «О мошенничестве» «Законника Стефана Душана», в соответствии с которой за обман, ложь и клятву наказывали как за воровство и разбой, т. е. правонарушителя ослепляли и вешали.

Нередко в сербском средневековом процессе использовался и институт «соприсяжников», или поротников. «Соприисяжники» в сербском праве использовались при разрешении споров об установлении размера причиненного истцу убытка или для снятия вины с подозреваемого в совер-

шении преступления. Это люди, которые пользовались добрым именем и доверием суда. Они клятвенно подтверждали факты, которые имели определяющее значение для вынесения приговора суда. В данном случае мы полностью разделяем точку зрения русского ученого, ставшего профессором юридического факультета Белградского университета, получившего мировое признание, Т.В. Тарановского, что заявления поротников были решающими для исхода процесса¹¹.

В ст. 146 Бистричского списка «О пороте» Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» говорится, что по большим делам должно быть 24 поротника, по менее значительным – 12, а по мелким делам – всего 6.

Если поротники принесли ложную клятву, то они наказывались 1000 перперов штрафа, лишались права быть поротниками в будущем¹².

Собственное признание было важнейшим видом доказательства во всей системе доказательств средневековой Сербии. При этом суд принимал к рассмотрению только добровольно сделанные признания отвечающей в суде стороны. Об этом свидетельствует постановление ст. 10 Закона Винодольского, который был составлен в 1288 г. и записан на хорватском языке. Ст. 10 Закона Винодольского гласит: «Когда разбирается дело по татьбе из мощуны (хлева) или по содержанию хлеба, стоящего на поле в копнах, или по краже сена из стога ночью, по такому преступлению обвиняемый должен присягнуть сам (т. е. подтвердить свои показания)»¹³.

Вместе с тем не следует исключать возможность получения признаний для судебного разбирательства с использованием пыток. В средневековой Европе применение пыток в отношении обвиняемых было делом обычным.

Наиболее распространенным и значимым доказательством в средневековой Сербии были свидетельские показания. Ответ на вопрос, кто может быть свидетелем в суде и что должно быть предметом свидетельских показаний, дает славянская редакция «Эклоги». Согласно титулу XIV, ст. 1 указанного выше Закона в качестве свидетелей могли выступать такие лица, которые имеют «либо положение, либо должность, либо профессию, либо богатство». Если такие свидетели не будут найдены, а имеются «неизвестные свидетели», то последние, в случае если будут оспорены их показания, должны быть подвергнуты истязаниям, для того чтобы судьи могли «найти истину»¹⁴.

Свидетелям, занимающим определенное положение в обществе, имеющим должность, профессию или богатство, противопоставляются так называемые «неизвестные свидетели». Это противопоставление говорит о том, что имеются в виду представители эксплуатируемого класса. Поскольку законодателю ясно, что такие свидетели обычно не раскроют той «истины», которая

нужна господствующему классу, то он предписывает при оспаривании показаний таких свидетелей подвергать их пыткам.

С помощью комбинирования двух положений, т. е. провозглашая вначале в качестве допустимых доказательств показания свидетелей – представителей господствующего класса, а также указывая на необходимость подвергать пыткам тех свидетелей, которые не принадлежат к этому классу, законодатель старается обеспечить обнаружение «истины», которая выгодна господствующему классу.

Рассматривая предмет свидетельских показаний, необходимо отметить, что в «Эклоге» и «Законе Судном Людем» свидетели давали показания на основании своих собственных восприятий того, что они видели и слышали (Славянская «Эклога», титул XIV, ст. 2; «Закон Судный Людем», ст. 20). Указанные выше нормативно-правовые акты содержат нормы, запрещающие допрос в качестве свидетелей лиц, которые находятся в родственных или иных взаимоотношениях со сторонами в процессе. Согласно действовавшим правовым нормам не допускалось, чтобы родители свидетельствовали против своих детей и наоборот (Славянская «Эклога», титул XIV, ст. 1); раб и освобожденный соответственно в пользу своего господина или в пользу бывшего своего господина (Славянская «Эклога», титул XIV, ст. 1). В соответствии с нормами «Закона Судного Людем» не должны допрашиваться в качестве свидетелей те, кто был уличен во лжи, те, кто преступил Божий закон, а также те, кто ведет предосудительный образ жизни.

С институтом свидетелей связан и так называемый свод, о котором идет речь в источниках средневекового сербского и русского права. Если у какого-либо лица находили украденную вещь, оно обязано было указать истцу, от кого получена эта вещь. Передавший вещь в свою очередь должен был указать лицо, от которого он ее получил, и так до тех пор, пока не дойдут до лица, которое не сможет указать источник получения данной вещи. Лицо, не давшее четких разъяснений представителям дознания, считалось вором и уплачивало штраф, за исключением случаев, когда оно с помощью поротников могло доказать, что купило данную вещь за границей или на базаре.

Вынесению решения сербского средневекового суда предшествовали устные объяснения сторон, обосновывавших предмет своего иска и возражений против него. Так, ст. 163 «О поротниках» Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» гласит: «На суде, когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, уличая его в измене или в ином деле, но только да отвечает ему...»¹⁵

Ст. 165 «О судьях» Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» указывает на то, что судопроизводство в средневековой Сербии велось в письменной форме, которая предусматривала не только ведение протокола суда, но и выдачу решения суда в письменной форме тяжущимся сторонам.

О форме документа, в которую облекалось судебное решение, у нас нет достоверных данных. Не обладаем мы сведениями и об институте обжалования судебного решения и приговора, которое, несомненно, допускалось.

Судебные решения и приговоры исполнялись специальными судебными чиновниками-приставами, взимавшими пошлины, штрафы и следившими за выполнением решения или приговора суда. Так, ст. 157 «О приставах» Бистричского списка рукописи «Законника Стефана Душана» (по Призренскому списку Законника, ст. 164) гласит: «Пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат (у себя) копии тех грамот, какие дали приставам, которые послали, чтобы они исполняли (судебные приговоры) по земле царской. Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую (у себя) имеют, то они правы; если же окажется, что они переиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык»¹⁶.

В праве средневековой Сербии существовал и институт исполнения судебного решения, правоприменение которого регламентировали ст. 91, 107 и 108 «Законника Стефана Душана» 1349 г.

Наряду с должностными лицами, исполнявшими решения королевских (государственных) судов, имелись и судебные исполнители различных светских и церковных феодальных судов.

Анализ статей Законов сербских государей свидетельствует, что королевские чиновники не могли выполнять свои функции в отношении населения, находящегося под юрисдикцией церкви.

Процессуальное право средневековой Сербии в XII–XV вв. еще не подразделялось на гражданский и уголовный процесс. Рассмотрение гражданских дел в суде строилось на основе принципа состязательности. Рассмотрение уголовных дел было инквизиционным по своему характеру. В центре судебного разбирательства находился обвиняемый, но главным лицом, определяющим исход процесса, являлся судья. Данная тенденция была характерной для процессуального права как средневековых славянских стран, так и стран Центральной и Западной Европы.

¹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 68.

² Закон Судный Людем в пространной и сводной редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 142.

³ Там же. С. 89.

⁴ Призренски рукописи Душанов законик // Јанковић Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII–XV век). Београд, 1961. С. 144.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукописи / Уредник академик М. Беговић. Београд, 1981. Књ. II. С. 208.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Там же.

¹⁰ Зигель Ф. Законник Стефана Душана. СПб., 1872. С. 87.

¹¹ См.: Тарановски Т.В. Историја српског права у Немањинској држави. Београд, 1996. С. 760.

¹² См.: Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукописи... С. 208.

¹³ Vinodolski zakon // Јанковић Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII–XV век). Београд, 1961. С. 159.

¹⁴ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века... С. 63.

¹⁵ Призренский список «Законника Стефана Душана» // Зигель Ф. Законник Стефана Душана. СПб., 1872. С. 95.

¹⁶ Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукописи... С. 212.

Поступила в редакцию 20.02.08.

Виктор Иванович Ермолович – докторант кафедры теории и истории государства и права.